

“В ПРОРУБЬ? ДА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ХОЛОДА НЕ БОЮСЬ...”

**Интервью с президентом РАО
Н.Д. НИКАНДРОВЫМ**

Николай Дмитриевич, несмотря на долгое знакомство, только сегодня появилась возможность взять у Вас интервью. Но именно многолетнее знакомство позволяет мне представить Вас читателям нашего журнала не только как президента Российской академии образования, известного ученого, персону номер один в науке, но и как человека волевого и целеустремленного, талантливого и неординарного, православного человека, которого по праву можно назвать одним из ярких представителей отечественной культуры. Какие обстоятельства способствовали приобретению Вами такого статуса? Хотелось бы узнать о начале Вашего жизненного и творческого пути.

Действительно, сейчас часто говорят: “персона номер один”, “VIP-персона” – даже на такси такое пишется. Я эти слова не люблю и стараюсь не употреблять. Это не значит, что я низкого мнения о самом себе – вполне знаю цену себе и свои возможности.

Начало – это предвоенное детство. Когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось четыре года, потом был блокадный Ленинград. В Ленинграде я родился, прожил там всю войну и жил до 1983 года, до переезда в Москву. В детстве, как и многие мальчишки, я хотел быть военным моряком. В пятом классе поступал в Нахимовское училище, но не прошел по зрению: не хватило двух десятых до полной единицы – это тогда было серьезно. Меня не взяли – хотя выучил таблицу, быстро вывели на чистую воду. Зрение восстановилось к концу школы, но было уже поздно.

Когда началась Великая Отечественная война, мне исполнилось четыре года, потом был блокадный Ленинград... В детстве, как и многие мальчишки, я хотел быть военным моряком.

Мне всегда нравились языки, я поступил на филологический факультет Ленинградского университета (это учебное заведение – моя *alma mater*), куда поступала и Людмила Алексеевна Вербицкая – теперь она ректор Санкт-Петербургского государственного университета. Я был хорошим учеником (школу окончил с серебряной медалью), а студентом не очень хорошим, хотя отметки получал всегда неплохие. Через несколько месяцев понял: филология – это не мое. Выбор был мало осознанным: я думал, раз мне легко даются языки, значит, будет все хорошо. Но, кроме языков, ко-

...мы жили очень бедно – отец погиб в войну, мама была медсестрой, ей платили очень мало – и на первом курсе я начал работать грузчиком, на втором уже давал частные уроки языков.

которые я действительно с удовольствием изучал, было много другого: мне не очень нравились теоретические дисциплины, и со второго курса я уже учился не так хорошо, но никогда не занимался посредственно. Теперь прекрасно понимаю, что я далеко не все получил от замечательного университета, что мог бы получить, если бы работал в полную силу.

Есть одно извиняющее меня обстоятельство: мы жили очень бедно – отец погиб в войну, мама была медсестрой, ей платили очень мало, и на первом курсе я начал рабо-

тать грузчиком, на втором уже давал частные уроки языков. Тратил много времени и сил на это, а не на учебу. Университет закончил не с отличием, как школу, но хорошо. Затем преподавал французский и английский в школе, в университете – языки я любил и работу выполнял с удовольствием.

Меня спрашивали, почему я не занимаюсь наукой. Должен сказать, тогда у меня не было такого стремления, внешнего стимула не было – разве что, побуждения моих коллег по кафедре. А чтобы заниматься наукой, нужен какой-то стимул, либо зародившийся в душе интерес – нравится и все! Я таких людей знал, очень уважаю.

Это отдельная интересная история, как несколько человек сыграли большую роль в моей судьбе, привели меня к науке. Они, действительно, Учителя с большой буквы. Но кто-то просто сказал:

“Не будь балбесом – занимайся наукой”, – что тоже было важно услышать. Порекомендовали обратиться к Евгении Иосифовне Зейлигер-Рубинштейн, известному историку педагогики. Она (очень маленького ро-

Это отдельная интересная история, как несколько человек сыграли большую роль в моей судьбе, привели меня к науке... Порекомендовали обратиться к Евгении Иосифовне Зейлигер-Рубинштейн, известному историку педагогики. Она ... встретила меня у себя дома по-немецки: “Treten Sie bitte herein!” Побеседовала со мной (я немецкий знаю хорошо), затем перешла на английский и на французский...

ста, курит какие-то необыкновенно крепкие папиросы “Беломор” – такие курила и моя мама) встретила меня у себя дома по-немецки: “Treten Sie bitte herein!” Побеседовала со мной (я немецкий знаю хорошо), затем перешла на английский и на французский, которые она знала хуже, а я значительно лучше. Вот пообщались мы так, потом Евгения Иосифовна говорит: “Вам надо заниматься Руссо. О Руссо много написано, но много еще неизвестно”. Подготовила мне краткий план диссертации, а я внимательно и сочувственно слушаю, понимаю, что это касается меня, но понимаю еще мало. Она провожает меня и вдруг говорит у самой двери: “Родной мой, зачем Вам-то заниматься Руссо? Это мне, старухе, хорошо... Но я ничего не могу Вам больше посоветовать. Есть у меня на кафедре профессор Самарин Юрий Александрович. Он Вам поможет”.

Я пошел к Юрию Александровичу, который быстро “раскусил”, что у меня есть сочетание большого интереса к практическим языкам и к математике. Тогда была модной (в хорошем смысле слова) проблематика использования кибернетики в педагогике, и Юрий Александрович предложил: «Очень важно узнать, как это все происходит за рубежом. Вы знаете несколько языков, кроме того, у Вас с математикой все хорошо – попробуйте тему “Программированное обучение за рубежом”». Мне это очень понравилось, за два года я защитил кандидатскую диссертацию, занимался исследованиями с достаточной отдачей, с большим

...за относительно короткое время в 1967 году (мне был 31 год) я защитил кандидатскую диссертацию, а в 73-м – докторскую, что не совсем ordinarily, так как обычно докторами наук тогда становились в более позднем возрасте.

интересом. Я понял, что меня интересует и педагогическая сторона дела, и живое преподавание теории педагогики. После этого за относительно короткое время в 1967 году (мне был 31 год) я защитил кандидатскую диссертацию, а в 73-м – докторскую, что не совсем ordinarily, так как обычно докторами наук тогда становились в более позднем возрасте.

Потом я работал в Ленинградском университете, в течение 15 лет – в Государственном педагогическом институте имени Герцена: доцентом, профессором, заведующим кафедрой, деканом факультета.

С 1983 года – в Москве: заведующий лабораторией, заместитель директора Института общей педагогики АПН СССР, главный ученый секретарь Академии педагогичес-

¹ Входите, пожалуйста! (нем.)

ких наук СССР, вице-президент академии, а с 1997 года по настоящее время – президент Российской академии образования. Вот, пожалуй, карьерный путь.

Карьерный путь очень насыщенный. Но и широта Вашего научного кругозора огромна: Вы автор многих научных трудов. Остается только удивляться, как при постоянной занятости удается найти время для серьезных исследований. Из многих написанных Вами работ (а их около трехсот) какую Вы считаете самой важной, значимой, любимой? Где сказано “золотое слово”?

Это вопрос непростой. Когда-то мне казались очень интересными собственные работы по сравнительной педагогике, я считаю, что они имеют определенное значение. Но, на самом деле, то, чем я занимался последние 10 лет и чем я продолжаю заниматься сейчас, – это проблема ценностей в образовании, в жизни, воспитание ценностей у человека, его социализация в современном противоречивом мире. Эта проблематика и исследования, в которых она отражена, для меня действительно важны и интересны. Хотя принято говорить, что самая интересная книга – та, которая еще не написана².

Когда речь идет о ценностях, в первую очередь принято говорить о ценностях духовных. В Вашем кабинете на стене иконы. Насколько связаны Ваши исследования с православием? Ведь сегодня активно развивается и другое, резко противоположное и, в какой-то мере, антиправославное направление, так как оно пропагандирует иные ценностные ориентиры. В частности, когда в науке идет речь о необходимости интенсивной коммерциализации образования, на практике в силу вступают отнюдь не божественные законы.

Слово “духовность” можно понимать по-разному: в религиозном и нерелигиозном плане. Для меня приемлемы оба понимания. Да, действительно, здесь есть иконы. Я человек православный. Считаю очень правильным и хорошим, что мне удалось в свое время

Я человек православный. Считаю очень правильным и хорошим, что мне удалось в свое время привлечь в академию двух замечательных клириков. Один – Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II... Другой – Иоанн (Экономцев), ректор Православного университета...

привлечь в академию двух замечательных клириков. Один – Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II, которого я, пользуясь своим правом, предложил к избранию в

академики, и он был единогласно избран. Другой – Иоанн (Экономцев), ректор Православного университета, дорогой и близкий мне человек, очень много для меня сделавший в смысле духовного общения.

Но о духовности я писал не только в религиозном плане – принимаю и понимаю ее нерелигиозно тоже. Более того, я не считаю, что прежде всего важны духовные ценности. В своих первых небольших брошюрах я пытался посмотреть на ценности весьма широко: размышлял о ценностях природы, жизни, этиологии, образования, культуры, собственно духовных ценностях. Была попытка выстроить иерархию ценностей в книге “Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий” (вышла в 2000 году) – за нее получил премию Президента Российской Федерации. Думаю, это была интересная работа.

Что касается связи религии и образования, то она должна быть прямая. Я за то, чтобы в программы школы (не только общеобразовательной, но и высшей) включалось изучение религиозных ценностей, истории религии, культур, связанных с религией, в пер-

² Н.Д. Никандров – автор более 300 научных работ. Наиболее значимыми считает *Программированное обучение и идеи кибернетики* (1970); *Педагогическое творчество* (1990); *The International Encyclopedia of Education* (1994; автор ряда статей и соредактор), *Воспитание ценностей: российский вариант* (1996); *Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий* (2000); *Образовательное пространство России: проблемы интеграции* (2004; в соавторстве); *Менеджмент, маркетинг и экономика образования* (2004; в соавторстве); *Педагогика: Учебник для вузов* (2006; в соавторстве).

вую очередь, православной культуры, так как большинство из верующих все же православные, хотя у нас есть и другие религии и конфессии.

Однако я считаю, что можно смотреть на проблему ценностей и без прямой связи с религией. Нынешняя жизнь не очень многим дает возможность соблюдать то, что, как говорится, идет от Господа. Лишь четыре из десяти заповедей определяют взаимоотношения человека с Богом, а последние шесть – отношения между людьми. Кроме того, большинство великих исторических религий человечества имеют весьма близкий набор ценностей, что позднее и получило название “общечеловеческие ценности”.

Жизнь сейчас суровая, и, когда говорим, что необходимо помнить о конкуренции, конкурентоспособности, это отодвигает понятия “сотрудничество”, “взаимопомощь”, о которых говорилось несколько раньше. Поэтому соблюдать все то, что надо было бы соблюдать по христианским канонам и по канонам других религий, очень трудно. Я считаю себя вполне верующим человеком, но меня утешает и то, что Господь будет судить нас не только по грехам нашим, но и по милосердию своему. И если приложить к себе эти строгие мерки, то, конечно, я очень многое не соблюдаю и не смогу соблюсти, но самых плохих вещей я старался в жизни не делать.

Очень рад, что в течение последних лет (более десяти) мне посчастливилось выступать на Рождественских чтениях, которые открывает Его Святейшество Патриарх. Патриарх меня наградил четырьмя орденами Русской Православной Церкви, что считаю для себя большой честью. Наград, конечно, много³ – все-таки я не юноша, а в моем возрасте бывает много наград. Если говорить о светских государственных наградах – это медаль ордена “За заслуги перед Отечеством”, орден “За заслуги перед Отечеством”, орден Почета и другие.

И еще вопрос, обращенный к Вам, президенту Российской академии образования. Мы все знаем, что в академии происходили перемены, грядут выборы – это очень серьезное событие. Каковы Ваши ощущения в этот период? Какие перспективы видите для академии и для себя?

В течение последних нескольких лет были самые разные разговоры, разные официальные документы о судьбе академии. Возобладало то, что, я считаю, должно было возобладать: такие, как у нас, академии существуют и работают не во всех странах, но в России – это глубоко укорененные научные структуры, которые должны быть сохранены.

...такие, как у нас, академии существуют и работают не во всех странах, но в России – это глубоко укорененные научные структуры, которые должны быть сохранены.

Именно так ставится вопрос в последних законах и в поправках к закону о науке и, согласно этим законам и поправкам, всем академиям, которые раньше были государственными, но так не назывались, дается новое весьма значимое название “Государственная академия наук”. Это Российская академия наук, Российская академия медицинских наук, Российская академия сельскохозяйственных наук, Российская академия архитектуры и строительных наук, Российская академия художеств и (из вежливости ставлю нашу академию на последнее место, хотя все академии равноправны) Российская академия образования.

Очень много было разговоров и пожеланий, чтобы то название, которое есть, включало слово “наука”. Раньше так и было: Академия педагогических наук РСФСР, потом Академия педагогических наук СССР, а с 1992 года в названии “Российская академия образования” слово “наука” было утеряно, и прозвучало очень много предложений его вернуть. Я не считаю, что название является здесь решающим, и поэтому очень осторожно отношусь к этой проблеме. Ведь изначально и всегда Российская академия образования была академией наук, “обслуживающих” образование. Это не только педагогика и психология (но прежде всего они), а также многие другие науки, которые прямой

---

³ Н.Д. Никандров имеет 37 наград. Среди них – орден “За заслуги перед Отечеством” IV степени; медаль ордена “За заслуги перед Отечеством”; орден Русской Православной Церкви; орден “За духовное просвещение”, золотая медаль РАО “За достижения в науке”.

связи с образованием не имеют, но изучаются в школе, в вузах, находятся в центре, в созвездии знаний.

Теперь о планах на будущее. Председателем Правительства утвержден Устав Российской академии наук, и надеюсь, что в скором времени будут утверждены уставы всех академий, включая нашу, только тогда формально откроется путь к проведению выборов президента, президиума, членов академии.

Собственно, выборы в члены академии мы могли бы осуществлять и по прежнему уставу, но выборы президента, хотя они назрели (срок нынешнего президиума истек в ноябре), мы не могли проводить, поскольку в одной из частей поправок к Закону было сказано, что президенты сохраняют свои полномочия до утверждения правительством Устава академии наук. Теперь, я надеюсь, скоро эти уставы будут утверждены, у нас появится формальное право избрать новый президиум, нового президента.

Что касается моей личной судьбы, то я честно сказал на прошлом общем собрании, что готов быть президентом и дальше. У нас не было традиции (и я не хочу ее вводить) самовыдвижения, но это возможно только в том случае, если я буду выдвинут на пост президента кем-то или какой-то группой наших ученых. Что будет, предсказывать не берусь – мне трудно здесь быть объективным. Пройден долгий путь и накоплен опыт – все верно. Но, увы, при этом накапливается и возраст. Конечно, возраст, в котором я сейчас нахожусь, не оптимальный для начала, для продолжения – может быть.

Позволю себе заметить не как журналист, а как женщина: возраст в данном случае совершенно отстает. Внутренняя энергетика, молодость души, данные Господом, побеждают возраст биологический, зафиксированный датой рождения. Я сейчас говорю с человеком, полным энергии, жизненных и творческих сил – это заметно окружающим, как говорится, и по делам его.

Такой комплимент от женщины, конечно, приятен.

Отступая от официальных вопросов, хотелось бы услышать несколько слов о Ваших личных интересах – об интересе к живописи, музыке, спорту. Я видела много Ваших фотографий из семейного архива: Вы, занимающийся спортом, окунающийся совсем недавно зимой в прорубь где-то в сибирской глубинке... Слышала, что Вы играете на скрипке, знаю, что любите классическую музыку...

На скрипке? Это был эпизод: сам научился когда-то играть чуть-чуть... Но то, что мне нравится музыка – это бесспорно, причем самая разная. Как-то Вольтер заметил: все жанры хороши, кроме скучного. Я бы сказал: вся музыка хороша, кроме плохой. Плохой много сейчас, очень много. Массовая культура наступает, в ней преобладает то, что ученые сейчас называют антикультурой. Я люблю музыку и самую серьезную (Баха, Вивальди, Бетховена, Чайковского), и Штрауса, и легкую музыку, и песни. Когда-то я выучил итальянский язык, чтобы слушать итальянские оперы⁴, многие песни знаю наизусть. Это одно из моих пристрастий.

Я люблю музыку... Когда-то я выучил итальянский язык, чтобы слушать итальянские оперы...

Люблю читать – не только профессиональную литературу, а литературу художественную на нескольких языках, но на это времени остается, увы, мало.

Люблю спорт, физкультуру. Не помню ни дня, чтобы я не подвигался, не позанимался на тренажерах. Считаю, что без этого жить невозможно. В прорубь? Да, действительно, холода не боюсь, и, когда рядом оказывается чистый водоем, при любой температуре плаваю.

Николай Дмитриевич, спасибо за интересную беседу. Я желаю Вам не бояться не только холодной проруби, но и холода, который может появиться, когда человек достигает большой высоты. Желаю Вам никогда не испытывать человеческого холода. Пусть Ваш путь будет теплым и светлым, и пусть Господь поможет Вам в этом.

Материал подготовила Л.В. Кутьёва

---

⁴ Н.Д. Никандров владеет французским, английским, немецким, итальянским, испанским языками.